

О ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ПОТЕХИНА

Лебедев Ю. В.

г. Кострома, Россия

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

ABOUT THE WORK OF A. A. POTEKHIN

Lebedev Yu. V.

Kostroma, Russia

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

Аннотация. В статье доказывается, что в изображении процессов перемен, совершавшихся в провинциальной России второй половины XIX века, Потехин давал более детальную и живую картину, чем другие русские писатели, вошедшие в классику отечественной литературы XIX века. В своих драмах и романах Потехин показал, как русское крестьянство в середине и второй половине XIX века погружалось в состояние глубокого духовного и социального кризиса, а дворянство интеллектуально оскудевало и разорялось, уступая дорогу предприимчивому купеческому сословию.

Ключевые слова: раскрестьянивание, власть денег, духовный и социальный кризис дворянской и крестьянской жизни.

Abstract. The article proves that in depicting the processes of change that took place in provincial Russia in the second half of the XIX century, Potekhin gave a more detailed and vivid picture than other Russian writers who entered the classics of Russian literature of the XIX century. In his dramas and novels, Potekhin showed how the Russian peasantry in the middle and second half of the XIX century was plunged into a state of deep spiritual and social crisis, and the nobility was intellectually impoverished and ruined, giving way to the enterprising merchant class.

Keywords: Raskrestyanivanie, the power of money, the spiritual and social crisis of noble and peasant life.

Русский писатель, драматург и театральный деятель Алексей Антипович Потехин родился 1(13) июля 1829 г. в уездном городе Кинешма Костромской губернии в семье бедного дворянина Антипа Макаровича Потехина, владевшего небольшим имением в деревне Долгово Кинешемского уезда, служившего казначеем уездного суда. Жизнь и быт костромского мелкопоместного дворянства и крестьянства промышленной зоны России были знакомы будущему писателю с раннего детства.

В автобиографическом повествовании «Из неоконченного романа» Потехин вспоминал о плодотворном влиянии на него родной волжской природы: «Самые ранние детские впечатления его были от Волги... Он знал

и видел её во всех фазах её жизни: и раннею весною, когда она снимала с себя зимние ледяные покровы и, разрывая их, с сердитым шумом и треском крушила, громоздила друг на друга и разбрасывала ледяные куски своей зимней одежды, и когда, очистившись от них, она разливалась на необъятном просторе и поднимала свои воды до подножия строений, поставленных на высоком правом берегу. Он любовался ею и в летнее время, когда она мирно и ласково несла на себе целые караваны вооружённых парусами судов, которые казались издали стадом больших белых птиц, спокойно плывущих на её водах, или когда слышалась с этих судов тягучая песня бурлаков, которая почему-то трогала и щемила его сердце. Восторгался он и трепетал от ужаса при виде мощи и силы во время бури, когда Волга сердилась и гневалась, вздыхала и бросала белые разлетающиеся брызгами волны, крутила и кидала как щепки большие лодки. В воображении мальчика Волга представлялась ему живым существом, которое и дышало, и чувствовало, и любило, и ласкало, и радовалось, и страдало, и гневалось» [5. Т. 12, с. 302–303].

В детстве же он получил от родителей строгое религиозное воспитание. «На каждую праздничную службу в церкви Благовещенья мать приводила с собою всех своих многочисленных деток, причёсанных, припомаженных, разодетых, выстраивала их перед собою по возрасту и строго наблюдала, чтобы стояли они смиренно, по сторонам не оглядывались, а слушали бы службу Божию и вовремя, когда следует, крестились и кланялись» [5. Т. 12, с. 313].

На мальчика произвела неизгладимое впечатление фреска Страшного суда на церковной паперти. «Внизу картины с одной стороны был нарисован сам страшный сатана с Иудой-предателем, сидящим на его коленях, в его объятиях, окружённый адским огнём, в котором мучились грешники, подвешенные на крючьях то за язык, то за глаз, то за ребро, то вниз головой; кругом их скакали безобразные чёрные дьяволы с орудиями пыток в когтях: с железными вилами, щипцами, связками железных прутьев, которыми они терзали тела подвешенных; а с другой стороны в открытую огненную пасть вереницей шли грешники, среди которых были и цари, и князья, и архиереи, и всяких чинов люди. <...> Ужасом наполнялись детские души, и этот мальчик, как самый нервный и впечатлительный из числа детей, ещё 6–7 лет нередко целые ночи метался в горячечном бреду, ожидая наступления Страшного суда» [5. Т. 12, с. 300].

Глубокая религиозность ощущается так или иначе во всех произведениях Потехина и отличает его от многих литературных собратьев,

писателей-демократов 1860–70-х годов. И нельзя не заметить, что в изображении процессов перемен, совершавшихся в России второй половины XIX века, Потехин давал более детальную и живую картину, чем русские писатели, вошедшие в классику отечественной литературы XIX века.

В 1839 году Потехин поступил в Костромскую губернскую гимназию, педагогический коллектив которой состоял из молодых выпускников Московского университета. У своих воспитанников они пробуждали живой интерес к отечественной литературе, к великорусскому языку, к жизни демократических слоёв русского общества, к судьбе крепостного крестьянства. В гимназии Потехин подружился с Сергеем Максимовым, будущим автором очерковых книг «Год на Севере», «Лесная глушь», «Бродячая Русь», «Сибирь и каторга». Он всячески опекал своего младшего товарища, руководил его чтением, снабжал книгами.

В 1846 г. Потехин окончил Костромскую гимназию и поступил в Ярославский Демидовский лицей. В этом же году профессором камеральных наук на кафедру энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов был назначен молодой кандидат юриспруденции Константин Дмитриевич Ушинский, оказавший большое влияние на Потехина-лицейста. С 1846 г. Ушинский – редактор, а с 1848 г. – один из постоянных авторов неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей», в которых он печатает свои историко-географические очерки.

Эти статьи Ушинского оказали большое влияние на раннюю очерковую прозу Потехина. Под руководством Ушинского Потехин пишет в лицее две научные работы: «Образование присутственных мест при Петре Великом» (отмечена золотой медалью) и «Опека и попечительство» [См.: 9, 97–98].

Нашли отражение в творчестве писателя и лекции Ушинского по камеральным наукам. Ушинский говорил, например, о необходимости формирования нового поколения национально ориентированных предпринимателей. В романе «Молодые побеги» Потехин передал эти мысли учителю Василию Проскурову: «По-вашему нет выше подвига, как если богатый человек раздаст имение нищим, а в наших глазах этот подвиг выеденного яйца не стоит и никакой пользы не принесёт. А вот если он всё своё состояние употребит на устройство школ, на какое-нибудь предприятие, которое улучшило бы быт рабочих, – одним словом, на какое-нибудь дело народное, общепольное не только в настоящем, но и в будущем, – вот это будет подвиг!» [5. Т. 7, с. 482]. Молодой сын фабриканта Александр Кузьмич пытается в этом романе, по заветам Ушинского и учителя Проскурова,

открыть школу для детей и взрослых. Он говорит, если отец сдаст ему фабрику, он всё изменит и многое поведёт по-другому.

В Демидовском лицее завершилось формирование демократических убеждений Потехина. Здесь он почувствовал себя «молодым побегом», представителем нового поколения русских людей эпохи больших перемен.

По окончании лицея в 1849 году с серебряной медалью, Потехин женился на дочери героя войны 1812 года Марии Петровне Кондратьевой, сестре Геннадия Петровича Кондратьева, певца и режиссёра Петербургской оперы. Некоторое время супруги живут в Москве. Здесь начинается увлечение Потехина театром, и 21 сентября 1851 года в газете «Московские ведомости» появляется первая его статья «Несколько слов о бенефисе г. Шумского». Одновременно на страницах этой газеты и в журналах публикуются этнографические очерки «Уездный городок Кинешма» (Московские ведомости. 1852. 17–19 апреля) и «Забавы и удовольствия в городке» (Современник. 1852. № 7).

Эти произведения были замечены критикой. В статье «Русская изящная литература в 1852 году» Аполлон Григорьев писал: «Талант г. Потехина возбудил уже в нас большую симпатию и тогда, когда мы прочли "Забавы и удовольствия в городке", – нам было очень приятно заметить в этой статейке совершенное отсутствие претензий и насмешливого тона, с которым обыкновенно смотрят наши современные писатели на русский провинциальный быт. Автор рассказа высказывает тёплое сочувствие этому быту, смотрит без иронии на его увеселения, сам желает от души ему веселиться и приглашает читателей разделить с ним это желание. Рассказ его дышит весёлостью и отличается отсутствием злых выхонок; изредка только автор позволяет себе насмешку над некоторыми дурными чертами провинциального быта: но он смеётся только над истинно дурными чертами, оставляя в покое мнимо дурные, каковы суть: бедность, русские перчатки, неловко сшитые фраки и вообще всё то, над чем так беспощадно глумилась школа фальшивой образованности» [2, с. 77–78].

В 1853–1854 гг. Потехин переезжает в Кострому и определяется чиновником особых поручений при костромском губернаторе. А. Ф. Писемский служил в это время в губернском правлении. Потехин вспоминал: «Я был дружен и близок с Писемским больше, чем со всеми другими петербургскими литераторами. Нас сблизила жизнь в Костроме, где мы оба служили и в течение двух лет почти ежедневно проводили вечера вместе. Я был молодым, только начинающим писателем, он – гораздо старше меня и уже приобрёл довольно крупное литературное имя. Я дорожил его

вниманием и приветом. Он относился ко мне с большою приязнью. И мы скоро сошлись *на ты*. Мы читали друг другу свои произведения часто по листам, по главам, по мере того как они писались. Или, вернее сказать, больше он прочитывал мне то, что писал за это время, иногда советовался со мною, позволял высказывать своё мнение и даже делать замечания. Но это случалось довольно редко, потому что я слушал его большею частью с восторгом, с увлечением, считал его в то время, как считаю и теперь, большим, сильным, хотя иногда и неряшливым талантом» [5. Т. 12, с. 336].

Театральные увлечения Потехина не погасли и в Костроме. В это время костромская общественность увлекалась любительскими спектаклями. Об актёрских успехах Потехина и Писемского постоянно писали «Костромские губернские ведомости».

В свободное от службы время Потехин наезжает в Москву. В своих воспоминаниях он пишет: «Это было в начале пятидесятых годов, когда я только что вступал на литературное поприще. Бывши в Москве, я случайно познакомился и сошёлся с кружком молодых людей, составляющих так называемую молодую редакцию "Москвитянина". Это были Григорьев, Эдельсон, Т. И. Филиппов и среди них, не как центр, а как предмет общего в то время поклонения, почти благоговейного обожания – А. Н. Островский. Я читал в этом кружке мои первые беллетристические опыты и мою первую драму "Суд людской – не Божий" и был благосклонно и дружелюбно принят в их среду» [5. Т. 12, с. 341].

Эту первую «мужицкую» драму Потехин писал под влиянием пьесы Островского «Не в свои сани не садись» (1853). Вслед за этой драмой пошли другие: «Шуба овечья – душа человечья» (1854) и «Чужое добро впрок не идёт» (1855) [См.: 10]. Но если в центре внимания Островского была купеческая среда, то Потехин рискует создать драму на почве крестьянской жизни. Зная её, что называется, из первых рук, Потехин заметил, что русское крестьянство в середине и второй половине XIX века погружалось в состояние глубокого духовного кризиса. Устои старой патриархальной морали зашатались не только в купеческой, как заметил Островский, но и в крестьянской среде. В основу коллизии драмы «Суд людской – не Божий» положено событие, нарушающее христианские устои: молодые люди вступили в любовную связь, пренебрегая родительским благословением. Парень, Иван, – сирота, бедняк. Девушка, Матрёна, – из богатой крестьянской семьи. Узнав о случившемся, отец проклинает дочь, и это проклятие так действует на несчастную Матрёну, что лишает её рассудка.

Казалось бы, возмущённый поступком дочери отец действует «по писанию», сурово осуждающему «прелюбодеяние». Но деревенские соседи замечают, что в его «благодетии» есть изрядная доза гордыни: «Не говори, девка... Тоже ни единой обедни не пропустит, книги святые читает, милостыню подаёт... А нет у него ласкового слова» [5. Т. 9, с. 26]. И вот теперь, когда помутившаяся рассудком дочь пропала бесследно, отец её, Николай Спиридонич, приходит к осознанию греховности своего проклятия: «Бог злым грешникам прощает, а я не простил вины девичьей своей дочке единоутробной... Злобой обуялось моё сердце немощное!.. Не чаял я этого от неё, не гадал... Учил я её не тому, а Божьей заповеди, любил её, лелеял словно несчетно. Перед добрыми людьми похвалялся её кротостью, да послушливостью, да целомудрием... Ванька малый добрый, любил её, хоть и согрешил, так раскаялся, хотел весь грех венцом да Божьим благословением прикрыть. Не умел я и души его распознать из одного того: думал, не такого жениха стоит моя Матрёна... Гордость ведь это, други!» [5. Т. 9, с. 56].

И обращаясь к возлюбленному Матрёны Ивану, Николай Спиридонич говорит: «Сам за себя молись, дитячко. Своя молитва скорее Господа достигнет, коли от души, от чистого сердца вознесёшь её. А больше того – не отчаивайся! Почём ты знаешь волю Божию? Не изведаны пути Его. Может, Господь только испытанье такое налагает на нас за все наши грехи, и должны мы его переносить с терпением и покорностью... Вот, не будь этого случая, не знал бы я, что ты парень добрый, что любил ты мою Матрёну от всего сердца... Гнушался я тобой, за то Бог меня и наказал!.. Вздумал я судить вас своим судом, не положился на волю Божию, вот и прогневался на меня Создатель. Буди Его святая воля!» [5. Т. 9, с. 64–65].

Стремясь отмолить грехи, Николай Спиридонич идёт вместе с Иваном на богомолье к Киевским святыням, а на обратном пути, на постоялом дворе, является им Матрёна. Так за покаянные молитвы Бог им возвращает дочь и возлюбленную. Но Матрёна отказывается от замужества: она остаётся Христовой невестой и решает посвятить свою жизнь молитве. А Иван уходит в солдаты.

В середине XIX века многие считали, что крестьянская жизнь не может дать живого материала для драмы. Один из героев романа Н. С. Лескова «Некуда» говорит: «Да и борьбы-то нравственной здесь не представите, потому что всё грубо, коротко. Всё не борется, а ... решается. В таком быту народа у него нет своей драмы, да и быть не может: у него есть уголовные дела, но уж никак не драмы» [3, с. 180].

Потехин спорит с такими представлениями устами своего героя из крестьян: «Моё горе – от души, да от сердца, – говорит Иван в финале пьесы проезжему барину, – а по тебе – какое-де у мужика сердце, какое-де у него чувство» [5. Т. 9, с. 87–88]. И барин побеждён неожиданной для него развязкой драмы: «Трогательная история! – восклицает он, утирая слезы. – Именно наши крестьяне ... удивительный народ!.. с душой!..» [5. Т. 9, с. 95].

Потехин чувствует нарастающие драматические перемены в народном мире в связи с проникновением в него новых буржуазных отношений. Тема губительного влияния денег лежит в основе сюжета пьесы «Чужое добро в прок не идёт» (см.: Отечественные записки. 1855. № 11). Главный герой пьесы Михайла, став случайно обладателем огромной суммы денег, оброненным богатым купцом, знакомым его отца, почувствовал, что с деньгами ему всё позволено. И когда отец отбирает у него эти деньги, жестокая страсть приводит к тому, что Михайла хочет убить отца, но в последний миг наступает прозрение и раскаяние. Михайле противопоставлен в пьесе другой герой, брат его Алексей, носитель ничем не замутнённой христианской нравственности. Вмешательство Алексея в ход событий как раз и предотвращает назревавшую трагедию.

Пьеса имела большой успех на сцене Александринского театра. Премьера состоялась 15 декабря 1855 года. Потехин вспоминал: «Театр был полон, ожидание публики сильно возбуждено: в первый раз на александринской сцене шла драма вся целиком из крестьянского быта, в которой, притом, принимали участие любимцы публики – Мартынов, Самойлов, Ланская. Открылся занавес. На сцене были двое: старик-отец, крестьянин Степан Фёдоров – Самойлов, и сын его, деревенский ямщик – Мартынов. С первого взгляда на фигуру Мартынова, с первого произнесённого им слова почувствовалась жизнь, правда на сцене, как будто то был не актёр, загримированный и по-мужицки одетый, приготовившийся исполнять свою роль и создать для зрителя известную иллюзию, но настоящий, реальный молодой крестьянин-ямщик вышел на подмости театра: Мартынов в этой роли был неузнаваем. Всё: лицо, его выражение, одежда, движения, звук голоса, говор, – всё это было мужицкое, не деланное, а как бы прирождённое. Это было полное перевоплощение. Зритель видел перед собой молодого лихого деревенского парня, грубоватого, но добродушного, с широкою размашистою натурой, сангвиника, неудержимого в своих увлечениях, в страстном порыве равно способного и на зло, и на добро, но не лишённого инстинкта или чутья правды и совести, человека

впечатлительного, но слабовольного, выросшего в замкнутой патриархальной семье со всеми её добрыми и дурными традициями, но чувствующего постоянную потребность более независимой и широкой жизни» [5. Т. 12, с. 326].

Художественный опыт Потехина-драматурга не остался в нашей литературе без последствий: он учитывался А. Ф. Писемским и Л. Н. Толстым при создании «Горькой судьбины» и «Власти тьмы». Вот как оценил Толстой творчество Потехина в одном из писем к нему от 18 февраля 1887 года: «... Я всегда чувствовал близость с вами по вашим произведениям, которые любил и люблю, и по коротким и случайным встречам у меня составилось о Вас представление как о вполне близком и родственном человеке. <...> Полагаю, что в драматическом и театральном деле после Островского нет знатока лучше Вас; то же, что в деле народного быта нет знатока равного Вам, это я уж сам знаю...» [11, с. 130].

Но демократическая критика в лице А. М. Скабичевского иначе оценила народные пьесы Потехина: «Драма кончается умилительно: отец по просьбе всё того же добродетельного Алексея прощает своего преступного сына, который обещает исправиться и пребывать впредь в полном повиновении родителю, и в то же время старик спешит отвезти по принадлежности деньги, наделавшие столько беды, убедившись, что чужое добро впрок не идёт. Такую же сентенцию в духе прописной морали мы видим и в драме "Суд людской – не Божий" <...> Такого рода маниловская сентиментальность в духе прописной морали пронизывает все произведения А. А. Потехина из народного быта» [7, с. 451].

Христианская основа «мужицких» драм Потехина вызывала отрицательную оценку не только у демократов-семидесятников. Особенно упорно и последовательно она утверждала себя в литературоведении советского периода. Правда, это осуществлялось не в прямой, а в косвенной форме: замалчивалась значительная часть его художественного наследия. Нельзя не заметить с сожалением, что и до сих пор большинство повестей и романов Потехина лежит под спудом и недоступно широкому читателю.

В центре «фотографического» видения Потехина оказался тот «треугольник» в центральной России, о котором Островский писал: «Москва уж теперь не ограничивается Камер-коллежским валом, за ним идут непрерывной цепью, от Московских застав вплоть до Волги, промышленные фабричные села, посады, города и составляют продолжение Москвы. Две железные дороги от Москвы, одна на Нижний Новгород, другая на

Ярославль, охватывают самую бойкую, самую промышленную местность Великороссии. В треугольнике, вершину которого составляет Москва, стороны – железные дороги, протяжением одна в 400 верст, а другая в 250, и основанием которому служит Волга на расстоянии 350 верст, – в треугольнике, в середину которого врезывается Шуйско-Ивановско-Кинешемская дорога, промышленная жизнь кипит: там на наших глазах из сёл образуются города, а из крестьян богатые фабриканты; там бывшие крепостные графа Шереметева и других помещиков превратились и превращаются в миллионщиков; там простые ткачи в 15–20 лет успевают сделаться фабрикантами-хозяевами и начинают ездить в каретах; там ежегодно растут новые огромные фабрики, и на постройку их расходуются миллионы» [4, с. 136–137].

Потехин показал в своих романах и повестях драматический процесс раскрестьянивания центральной России, расслоения деревенской общины с выделением из неё фабричных рабочих-отходников, незначительная часть которых богатела и превращалась в купцов, а основная масса впадала в нищету, угрожающую устоям России. Параллельно с этим Потехин-наблюдатель замечал стремительный процесс разорения дворянских гнёзд.

В 1856 году в журнале «Библиотека для чтения» выходит в свет роман Потехина «Крушинский», работу над которым он завершил в сорока километрах от Кинешмы, в имении своей жены Орехово, в 1855 году. В этом романе писатель за шесть лет до тургеневского Базарова пытается создать тип убеждённого демократа, сына сельского дьячка, одарённого полкового лекаря Аркадия Николаевича Крушинского, вступающего в непримиримое столкновение с дворянской аристократией.

В качестве доктора он попадает в семью богатого помещика Фёдора Ивановича Коркина и успешно лечит его. Фёдор Иванович принадлежит к старинной дворянской фамилии, чем очень гордится и что в себе ценит в первую очередь. У него сравнительно молодая жена, Катерина Михайловна, капризная и избалованная. Она часто впадает в уныние, мнит себя страдающей от бесконечных недомоганий и болезней. Но в то же время она сентиментальна и влюбчива: при виде каждого молодого человека привлекательной наружности она оживает и кокетничает.

Однако лекарь держится с нею хладнокровно, вежливо и гордо, её ухаживания он встречает со «снисходительной», а то и с «презрительно-насмешливой» улыбкой. Супруги ждут возвращения из Петербурга молоденькую дочь-институтку Наденьку, и Катерина Михайловна, желая

пофлиртовать от скуки с лекарем, всячески пытается привлечь его к своему дому, сообщая ему о приезде дочери.

«Нет, он гордая штучка, – говорит своей старой няньке Катерина Михайловна после его отъезда, – он много о себе думает, дали пятьдесят целковых за визит – хоть бы спасибо сказал, ни словом не поблагодарил. Он какой-то холодный, равнодушный: говорю про Наденьку, рассказываю, какая она красавица – ничего, хоть бы сколько-нибудь заинтересовался...

– Ну, да ведь и то сказать, матушка, что ему интересоваться: ведь уж он нашей Надежде Фёдоровне не жених?

– Вот ещё что сказала! Смеет ли он подумать об этом – какой-нибудь лекаришка...» [5. Т. 3, с. 29]

«Что за странная баба!¹ – размышляет в свою очередь Крушинский о Надежде Фёдоровне, покидая имение. – Мне не раз представлялось, что она волочится за мной. И при всей этой простоте нравов, какая гордость, какое чванство своим знатным родством. А может быть они даже не считали за нужное стесняться при мне. Я лекарь, наёмщик в их глазах...

Крушинский болезненно и насильственно засмеялся при этой мысли, которой он не дал дальнейшего хода в своей голове. Щёки его вспыхнули багровым румянцем и не от морозу. Крушинский имел благородную, горячую душу и тёплое сердце, но он был страшно горд. Эта гордость составляла его достоинство и его недостаток. Это чувство в нём было не столько природное, сколько привитое жизнью и тем положением, которое он занимал в обществе» [5. Т. 3, с. 32–33].

Одному из сокурсников, который решил посмеяться над низким происхождением Крушинского, его товарищ сказал: «Ты смеёшься над тем, за что должен был уважать Крушинского. Сын дьячка, без всяких средств, пешком, с одной только любовью к науке, пришёл сюда и что успел из себя сделать? Он украшение нашего факультета. Из ничтожества он вышел и силою своего гения сделал то, что есть. А ты и был, и останешься навсегда ничтожеством, несмотря на все выгоды твоего происхождения и состояния» [5. Т. 3, с. 35–36].

Посещая дом Коркиных, Крушинский влюбляется в Наденьку. Отец её и в мыслях не может допустить этого. Полкового лекаря он искренне презирает: «Признаюсь, сколько я ни обязан этому молодому человеку за то, что он помог мне в болезни, но мне он очень не нравится и излишнею

---

¹ Ср. слова Базарова об Одинцовой: «Это что за фигура? – проговорил он. – На остальных баб не похожа».

гордостью, и самонадеянностью, и неуважением к людям, и непониманием того положения, которое должен занимать в обществе по своему происхождению. Он выскочка, не успел ещё сделать ничего такого, чем бы мог заставить позабыть, что он сын дьячка, и считает себя за великого человека» [5. Т. 3, с. 127].

Ситуация осложняется появлением у Крушинского соперника, князя Бандурова. В доме Коркиных его принимают как достойного жениха. Но в уездном обществе у Наденьки появляется немало соперниц. Все они хотят видеть князя Бандурова своим ухажёром, все они мечтают сделать его своим женихом. Наденька вызывает у провинциальных невест жестокую ревность. Уездное общество пытается бросить тень и на неё, и на всё их семейство. В городке ползёт сплетня о связи Крушинского и с женой, и с дочерью Коркина...

Потехин уходит в подробное описание всех этих слухов, низменных сплетен, пошлых интриг. Как писателя-натуралиста, беллетриста-этнографа, его притягивают картины запутанных отношений в чиновном мире уездного городка. Возникает ощущение, что писатель тонет в мелочах. Ключевые в сюжете романа отношения между Наденькой и Крушинским уходят на второй план.

Но никому, кроме Потехина, не удавалось с такой наглядностью вывернуть перед читателями всю подноготную провинциальной жизни, всю её неприглядную изнанку. Потехин даёт нам почувствовать отсутствие единства в дворянском обществе, глубокий сословный кризис и раскол, совершающийся в нём. Чистая любовь Наденьки и Крушинского подвергается здесь циничному поруганию. На специально устроенном бале провинциальные дворяне устраивают Наденьке скандал, после которого всё её семейство вынуждено покинуть деревенскую усадьбу и перебраться в Петербург.

Прощаясь с Наденькой, Крушинский говорит: «О, я докажу им, твоим родителям, что достоинство и величие человека не в богатстве и не в происхождении, а в том, что он человек в полном смысле слова, в его нравственном могуществе» [5. Т. 3, с. 455].

Но отец девушки не оставляет разночинцу никаких надежд: «Храни меня Бог даже от мысли оскорбить вас. Но согласитесь: равенства нет и быть не может на земле. Всякому указана своя дорога и всякий должен идти по ней. Вы не виноваты, что судьба, при ваших высоких достоинствах, дала вам такое происхождение; но пути наши различны и сойтись вместе не могут...» [5. Т. 3, с. 580].

Крушинский хочет свести вместе эти пути. Он едет вслед за Коркиными в Петербург, решает держать экзамен на доктора, получить по заслугам дворянский титул. Он пытается встречаться здесь с Наденькой. Но семейство Коркиных делает всё, чтобы этого не допустить.

Потерянный Крушинский заболевает чахоткой. Через своего доброго приятеля он вызывает Наденьку на прощальную встречу. Отец не отпускает её одну и приезжает вместе с нею к умирающему жениху.

– Благодарю вас, благодарю вас, – говорил Крушинский, не сводя глаз с Наденьки. – И вас благодарю, – продолжал он, обращаясь к Коркину и протягивая ему руку.

Фёдор Иванович подал свою... она дрожала.

– Я тотчас поспешил приехать, как только узнал, что вы так нездоровы.

– Да, исполнили волю умирающего, проститься нужно, свет этого не осудит, – проговорил Крушинский, и горькая усмешка пробежала по его лицу.

Наденька тихо плакала.

– Не плачьте, – сказал больной, взял руку Наденьки, поцеловал её, прижал к лицу, к груди и потом долго смотрел на девушку. Слеза выкатилась из его глаз.

– Вы не перестали любить меня? – спросил он.

– Нет.

– Ну, не плачьте... Что же делать... Так надо... Может быть, всё к лучшему. Нам бы не победить... Предрассудок силён... Только бы напрасное страдание... Я во всём виноват... Жалко только вас да моей семьи... Отец умер, одна мать старуха, маленькие братья и сёстры... [5. Т. 3, с. 707–708].

В отличие от тургеневского Базарова, Крушинский уходит из жизни побеждённым. Однако Потехин показывает, что и дворянское сословие теряет при этом свой социальный статус. Начинается материальное и духовное его оскудение. Характерен финал романа «Крушинский», вариативно повторённый в комедиях «Выгодное предприятие» и «Новейший оракул». Семейство богатых провинциальных дворян Коркиных становится жертвой высокопоставленных петербургских дельцов из великосветской аристократии.

Князь Мирзабеков, слывущий страшным богачом, делает предложение Наденьке. Потерявшая навсегда любимого человека, Наденька отвечает родителям: «Делайте со мною, что хотите! Мне всё равно: я на всё готова... Видно, так Богу угодно» [5. Т. 3, с. 700].

И вот накануне свадьбы Мирзабеков предлагает отцу Наденьки выгодное предприятие – пустить в оборот весь имеющийся у Коркиных капитал. Простодушный провинциал соглашается и отдаёт в руки князя без всякой расписки 100 тысяч. Князь спокойно кладёт деньги в карман, любезно прощается с отцом невесты и навсегда пропадает из обманутого семейства...

А. М. Скабичевский советовал не заботиться о целостном прочтении романов Потехина, а выбирать какую-нибудь отдельную сценку, знакомство с которой доставит читателю много интересных сведений и конкретных наблюдений. Вот, например, живая картина разорения дворянских гнёзд и крестьянских хозяйств в романе «Молодые побеги»:

«Опустели поля... Сначала были заброшены дальние полевые участки, затем и из ближних засеивалась только половина, да и на этой половине сеялся хлеб и убирался не во время, и родиться стал всё хуже и хуже. Тружеников-муравьёв уже не сгоняли и не сбивали на работу, а кланялись и звали, сманивая рублём и полтиной, а они отвечали: "Не досужно! Вот когда со своим управимся, тоды и к вам, пожалуй, коли время позволит!.." А иные стали и такие речи говорить: "Мы не от земли живём. Наша земля не такая, не родимая, не хлебная... С нашей землёй только плачь: холодная земля! Оставайтесь коли ин с Богом, пашите сами, а нам не требуется. Нынче вон на заводы ступают, на фабрики: не в пример больше зарабатываешь, чем около земли-то маяться..."» [5. Т. 7, с. 162–163].

Скупает барскую усадьбу с землёй и домом купец. «Эти все рощи, парки, сады, барские затеи приказывает он срубить на дрова, оставит разве небольшой палисадничек для своей прохлады, когда летним делом чайку попить. "А вот эв тот прудочек с этвим сообщить вместе, чтобы большой был прудище: вода из него на фабрику пойдёт, и будет в нём вода чистая, а с фабрики которая муть будет идтить, ту трубами в речку спускать – речка текучая, она всё пронесёт... Господские хоромы кои разобрать, кои в дело употребить, главный корпус, трёхэтажный дом старого фасона, на сушилку поворотить... А себе мы новый дом выстроим в лучшем вкусе, по своему фасону! Ранжереи эти все долой"». [5. Т. 7, с. 168].

Критически оценивая «мужицкие» драмы Потехина, А. М. Скабичевский в статье «Винегрет современной морали» (1874) сочувственно отнёсся к его романам. На них, по его словам, «натыкаешься, как на оазис в степи и отдыхаешь душой». Таков роман «Бедные дворяне» (1861), которому Скабичевский даёт такую развёрнутую характеристику: «Героем романа является бедный дворянин Никанор Александрович Осташков, воспитанный совершенно как крестьянин и ничем не отличающийся от окружающих его

мужиков. Находящийся под сильным влиянием тётки, женщины смышлёной и энергической, и беспрекословно подчиняясь ей во всём, человек недалекого ума, он является в начале романа перед нами трудолюбивым парнем, способным сделаться усердным хозяином-земледельцем. Но, женившись на дочери вольноотпущенной дворовой, он подчиняется новому влиянию тёщи Прасковьи Фёдоровны, которая совращает его с правильного пути, твердя ему, что он – дворянин, что ему следует идти в дворянское общество... <...>

Но что же обрёл в этом кругу бедный Осташков вместо ожидаемого участия, покровительства, учения и определения на службу? Дворяне начали глумиться над их собратом, нежданно-негаданно вторгшимся в их среду с внешностью мужика с головы до ног; его наряжали в разные шутовские костюмы, били нагайками, травили собаками, одним словом, он явился в их общество в качестве шута. Сначала такое положение тяготило Осташкова, но потом он мало-помалу втянулся в свою должность шута, ему понравилась возможность жить на чужих хлебах, ничего не делая и получая сверх того подачки. Картина постепенного превращения Осташкова из скромного, честного труженика в лентяя-дармоеда, пресмыкающегося у разных благодетелей-милостивцев, терпеливо переносящего любые поругания, подобострастно кланяющегося, восхваляющего и униженно выпрашивающего разных подачек, надо отдать справедливость, исполнена Потехиным мастерски» [8, с. 814–815].

Между прочим, сюжет «Бедных дворян» взят Потехиным из живых наблюдений над мелкопоместным дворянством Костромской губернии. В письме к М. П. Погодину от 4 июля 1854 года из Кинешмы Потехин сообщал: «Кстати, я познакомился здесь с одним однодворцем, который, по своим документам, прямой потомок князей Бельских. Этот однодворец жил до некоторого времени как простой мужичок, женат на дочери вольноотпущенной девушки, не умеет ни читать, ни писать, владение его всего девять десятин земли; человек он от природы добрый, честный, смиренный, но не очень умный. Жил он просто, по-крестьянски, работал, пахал землю, не стыдясь, вёл хлеб-соль с мужиками; но вот ему растолковали, что он дворянин, что род его коренной дворянский, чуть ли не семисотлетний. Что же вышло? Встосковался однодворец о своей бедной доле, стыдится работать бок о бок с крестьянами, не занимается хозяйством, взвалил всё на свою бедную жену: "Ты, дескать, такой крови, что тебе надобно работать, а моя кровь не такая"; шляется по помещикам, чтобы позаняться уму, рядиться каким-то шутом в платья, полученные от щедрот помещиков, беспрестанно жалуется на свою бедность и на трудность работы, которою ему заниматься-

де не пристало. А между тем дочь его, премилая и преумная девушка, влюбилась в крестьянина, славного, лихого парня, и вышла за него замуж; отец стыдится этого брака, несмотря на то, что зять и умнее и зажиточнее его, а семья зятя корит бедную женщину её дворянством, с которым её отец носит каждую минуту и живёт бездомным, и требуют от неё двойной работы: что мы, дескать, брали тебя в дом не за твоё дворянство, а пошла к нам в дом, так будь у нас работницей, а дворянство своё забудь. Вот Вам роман – без глубокомысленных, философских задач, но с очень глубокомысленным заглавием: "Кто виноват?" Надо ещё прибавить одну черту: вся деревня и семья, в которую попала дочь однодворца, и семейство последнего – суровые и бестолковые старообрядцы» [6, с. 41].

В статье 1876 года «Беседы о русской словесности (критические письма)» Скабичевский точно подметил особенности художественной манеры Потехина, близкой к натурализму. Речь шла о начале произведения «Около денег. Роман из сельской фабричной жизни» (1876): «Возьмите во внимание хоть бы то, например, обстоятельство, что в октябрьском номере "Вестника Европы", в котором начался печататься новый роман Потехина, напечатано по крайней мере листов пять романа, и эти пять листов представляют описание одного деревенского праздника. Деревенский праздник, описанный на пяти печатных листах, – какой же вы хотите большей ещё обстоятельности? Ведь уж тут, значит, разобрано всё по косточкам, ничего не упущено из вида до последней подноготной. Ну, и действительно, остаётся только дивиться обилию деталей. Начнёт ли Потехин описывать деревенскую часовню, ничего не пропустит без замечания: и какой в часовне пол, и какие стены, и какой потолок, и какие образа что изображают, в окладах или без окладов, и какие паникадила перед каждым образом, и как молятся мужики, как молятся бабы, в чём кто одет и пр., и пр. Описывает ли Потехин крестный ход, он посвятит вас в такие подробности, которые наверно вы пропустили бы без внимания, если бы сами присутствовали на этом крестном ходе: кто, например, держал какую хоругвь или образ, кто кому и когда передал это держание, как бабы, набожно подлезая под образа, не опускали при этом случая дать тукманку в шею какому-нибудь шаловливому мальчугану, и пр., и пр. Одним словом, остаётся диву даваться, до чего простирается тонкость наблюдательности Потехина» [8, с. 455].

С этим нельзя не согласиться, но нельзя и не заметить в то же время, что в освещении перемен, совершавшихся в России второй половины XIX века, Потехин-натуралист улавливал в глубинах провинциальной жизни

такие процессы, которые оставались вне поля зрения классиков русской литературы. «У нас есть огромная литература "второстепенных", которую мы совсем не знаем и которая может дать чувству и мысли значительно больше того, что дают сейчас», – говорил М. Горький, который постоянно напоминал нам ещё и о другом: «... поле наблюдений старых, великих мастеров слова было странно ограничено, и жизнь огромной страны, богатейшей разнообразным человеческим материалом, не отразилась в книгах классиков с той полнотой, с которой могла бы отразиться» [1, с. 208].

А. А. Потехин в романе «из сельской фабричной жизни» «Около денег» существенно восполняет этот пробел. В деревне Снегищево живёт семейство богатого мужика Терентия Савельевича Скоробогатого, записанного в купеческой гильдии. Владелец небольшой ткацкой фабрики и кабака, он человек скупой, нелюдимый и неприветливый: от крестьян сторонится, не сближается с ними, смотрит на них свысока, как на своих работников. А богачи-фабриканты тоже не снисходят до близкого знакомства с ним. Поэтому Скоробогатый живёт одиноко, и даже в храмовый праздник, когда всё село шумно пирует и принимает гостей, ворота его на запоре.

У Терентия Савельевича есть дочь Степанида, которая 14-ти лет осталась без матери и провела юные годы в полном одиночестве. Она не имела подруг, не ходила на гулянки, не водила хороводы и не пела песен. Отец не допускал никакого сближения её с деревенскими девками. Сначала наезжали в дом женихи из купеческого звания, но отец был скуп насчёт приданого, а Степанида не отличалась красотой. И вот пришло время, когда надежды на замужество истаяли. Степанида решила остаться Христовой невестой и служить Богу. Первая в селе начётчица, она читала каноны и акафисты в сельской часовне, участвовала в крестных ходах. Ей казалось, что в церкви она нашла своё настоящее призвание, выкинула из головы все девичьи мечты и считала себя «неуязвимой для стрел лукавого».

Но лукавый силён: появился у Степаниды искуситель, Капитон Абрамов Обожжухин, молодой фабричный рабочий, человек бедный и семейный, жадный до денег, любыми средствами готовый приобрести капитал. Жена его Алёна, под стать мужу красивая и весёлая, тоже стремилась жить весело и сытно, без труда и забот. Богатство Терентия Савельевича, на фабрике которого Капитон за гроши трудился, возбуждало зависть. И вот Капитон решил, пустив в ход свою природную красоту и умение ухаживать за девицами, соблазнить Степаниду и воспользоваться её богатством. Замечательно, что он делает это с согласия жены. Предвосхищая

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого, Потехин показывает глубокий духовный кризис, чудовищное падение нравов в фабричной крестьянской среде:

– Алёнка, – сказал вдруг Капитон шёпотом, обнимая жену одной рукой.

– Ась? Что? – спросила Алёна с новым зевком.

Капитон отвечал не вдруг.

– Давай гулять по согласу, – неожиданно проговорил он.

– Как по согласу? – живо повторила Алёна, уже не зевая.

– Так, чтобы по любви... Вот мы с тобой живём ладно, а достатков у нас нет, беднота одна... Работаешь, работаешь, а всё ничего нет... Вот я теперь около Скоробогатики обиход повёл: может, до чего дойдём... <...>

Алёна засмеялась.

– Пострел экой... Гуляй, ничего... только мотри, и я, коли вздумаю, гулять стану [5. Т. 8, с. 37–38].

После такого «уговора» Капитон начинает ухаживать за Степанидой. Он прикидывается верующим человеком, почти святошей, просит Степаниду научить его читать божественные книги. Втираясь в доверие к девушке, он признаётся ей в любви. А у Степаниды в это время – раздор в семействе. Отец начинает проявлять симпатии к невестке, жене сына Матрёне Карповне, которая хочет стать полновластной хозяйкой в доме. У Степаниды отнимают хозяйские ключи.

«Все люди веселятся о празднике... А я одна-то одинёхонька, на всём белом свете одна, – думает она про себя. – Как весь век прожила? Какую радость себе видела? Отец родной, так и тот впору хоть из дома выгнать: таково я ему мила...» [5. Т. 8, с. 111]. И под влиянием тяжких дум всё более и более разгорается её привязанность к Капитону. Она видит в нём единственного человека в мире, который принял в ней участие, приголубил, пожалел и приласкал.

Но рядом с любовью пробуждается стыд: «Что я теперь, разве прежняя? – размышляла она после своего падения. – Прежде-то я всем прямо в глаза смотрела, ни бояться, ни стыдиться мне было нечего, все мне кланялись, уважали меня, иные меня чуть не святой почитали... А теперь какова я стала? Что бы было, кабы узнали все про всё, как бы смотреть на меня стали? Не то что кланяться, а на смех бы подняли, пальцами бы показывать стали... Попустил ты, Господи, попутал меня лукавому... И из-за чего я греху поддалась, из-за какой радости? Стыд да тоска одна, ровно ночь тёмная кругом, только и солнышко моё всходит, как он придёт да сидит со мной, и то пока не вспомню, что он женат, что жена у него есть, что он

любит её... А вспомню и опять ровно из рая в ад, во тьму кромешную... А грех-то? А ответ-то на страшном суде, а муки-то вечные?.. Батюшки мои, что же мне с собой делать?.. Бросить бы его, убежать бы куда, чтобы не ворочаться, не видеть и не слышать о нём... Да куда я от него уйду, коли здесь вот он перед глазами стоит кажинный час, минуту каждую... И в сердечушке, и в думушке – всё он один!» [5. Т. 8, с. 203–204].

А Капитон склоняет Степаниду к решительным действиям: взять тайно деньги из сундука и бежать куда-нибудь на край света, в места укромные, вниз по Волге-матушке. После долгих колебаний влюблённая девушка решается на всё. Тёмной ночью она ворует деньги и бежит к условленному месту, где ждёт её Капитон:

– Ты? – спросил он её ещё за несколько шагов.

– Я, я, – отвечала Степанида, задыхаясь и протягивая к Капитону руку с намерением обнять его.

– А достала?

– Вот... – и она указала на узел, который держала в другой руке.

– Молодец, Стеша! Ну, теперь покатим. Пойдём скорее к лошади.

– Как бежала-то, как торопилась-то, – говорила Степанида, следуя за Капитоном. – Думаю: ждёт он меня...

– Ждал и есть... Много ли взяла?

– Не знаю уж... вот! Брала, сколь уложится...

Подошли к телеге.

– Погоди-ка, я сяду перво в телегу-то, да вожжи возьму, а гнедко-то пуглив, подхватывает вдруг... Пожалуй, понесёт... – говорил Капитон, влезая в телегу. – Ну, где деньги-то? Давай, да и полезай сама.

Степанида протянула к нему узел, который Капитон взял и положил на дно телеги. Потом она, держась руками за край телеги, поставила ногу на ступицу колеса и приподнялась было уже, чтобы занести другую ногу в телегу, как вдруг сильный толчок в грудь опрокинул её навзничь, и в то же мгновение Капитон крикнул, лошадьхватила с места и понесла. Степанида, как ни была ушиблена и оглушена падением, но быстро вскочила и побежала вслед за телегой.

– Стой, стой, погоди! – кричала она, но только несколько мгновений слышала крики Капитона, которыми он понукал лошадь, топот её копыт, стук колёс и громыханье телеги, видела вдалеке мелькающий силуэт милого человека, его телеги и лошади, затем всё затихло, всё скрылось. Но Степанида бежала ещё и тогда, задыхаясь, плача и крича что-то бессвязное

диким, прерывистым голосом. Наконец у неё помутилось в глазах, стеснило дыхание, ноги отказывались двигаться, невыразимая тоска, ужас охватили её душу, какие-то отрывки мыслей, чувств проносились через голову, сердце... И вдруг всё спуталось, смешалось: мысль, чувства, дыхание оборвались. Степанида упала без чувств [5. Т. 8, с. 288–289].

Очнувшись под утро, она вернулась домой разбитая и поруганная, лишённая последней святыни, дающей ей жизнь. И в следующую ночь, когда всё село уснуло, она подожгла дом Капитона. Но месть её оказалась напрасной: Капитон с женой спаслись, а деньги остались целы, зарытые в землю.

«Через неделю после пожара стон стоял в доме Терентия Савельича <...> Старик ревел, метался, рвал на себе волосы, кричал и топал над Степанидой. Она стояла перед ним молча, как немая...

– Да скажешь ли ты мне хоть слово одно, ведьма ты прокл... – вскричал, наконец, выйдя из себя, Терентий Савельич, и, бросаясь на дочь, толчком в голову сшиб с неё платок. Степанида была совсем седая... У Терентия Савельича опустились руки.

Много лет после того, ежедневно, во время службы в церкви села Нагорного, можно было видеть на коленях, у задней стены церковной, старую, жёлтую, всю в чёрном, смиренную и всегда безмолвную Степаниду» [5. Т. 8, с. 319–320].

В повестях и романах 1870–80-х гг. о деревне Потехин уходит от приукрашивания народной жизни, от свойственного его драмам прямолинейного деления героев на праведников и грешников. Крестьянская жизнь перестаёт быть этическим эталоном, становится предметом пристального критического исследования. В повести «Хворая» (1876) в гибели «хворой» Пелагеи виновны не только её близкие, но и весь крестьянский «мир», уездные и волостные чиновники. В цикле очерков «Деревенские мироеды» Потехин обращает внимание на процесс расслоения деревни.

К концу XIX века Потехин заявляет о себе как крупный театральный деятель. Он участвует в театральной реформе 1880-х гг., заведует репертуарной частью Александринского театра, является управляющим драматическими труппами императорских театров Петербурга и Москвы, участвует в учреждении Общества вспомоществования актёрам (впоследствии Русское театральное общество) и в созыве первого съезда

русских сценических деятелей (1897). В 1900 году он избирается почётным академиком по разряду изящной словесности.

Скончался А. А. Потехин в Петербурге 16 (29) октября 1908 года и был погребен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

Список литературы

1. Горький М. Беседы с молодыми. М.: Современник, 1980. 414 с.
2. Григорьев Аполлон. Литературная критика. М.: Художественная литература, 1967. 631 с.
3. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1956. 758 с.
4. Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. М.: Искусство, 1978. 719 с.
5. Потехин А. А. Соч.: в 12 т. СПб: Просвещение, 1903–1905.
6. Потехина Е. П. Письма из провинции. Переписка А. А. Потехина и М. П. Погодина // А. А. Потехин и Кинешма / вступит. ст. и сост. Е. П. Потехиной. Иваново: Референт, 2009. С. 6–53.
7. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1891. 523 с.
8. Скабичевский А. Сочинения. Критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики: в 2 т. Т. 1. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1903. 470 с.
9. Тамаев П. М. Алексей Антипович Потехин // А. А. Потехин и Кинешма / вступит. ст. и сост. Е. П. Потехиной. Иваново: Референт, 2009. С. 92–108.
10. Тамаев П. М. «Мужицкие пьесы» А. А. Потехина в контексте русской драматургии середины XIX в. / Ивановский гос. ун-т. Иваново, 1991. 43 с.
11. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 19 и 20. М.: Художественная литература, 1984. 879 с.